

С. В. ЗАНИН

ПОСТ-ЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ К 300-ЛЕТИЮ Ж.-Ж. РУССО

В связи с прошедшим в 2012 г. 300-летним юбилеем Ж.-Ж. Руссо автор статьи размышляет о неоднозначной ситуации, сложившейся в последние годы в российской историографии творчества мыслителя. Отмечается отсутствие новых переводов, значимых текстологических и биографических исследований, особенно заметное на фоне достижений современного зарубежного руссоведения.

Ключевые слова: Жан-Жак Руссо, руссоведение в России и мире, Брюно Бернарди.

Отгремели оркестры и фейерверки юбилейных торжеств по всему миру. Повод был: 300 лет Жан-Жаку Руссо, одному из тех мыслителей, который вправе гордится тем, что в бурный и кровавый XX век его идеи вызвали столь же жаркие, сколь – чего там греха таить – весьма пристрастные споры с большой дозой политического запала. В этом году 300 лет его «брату-врагу» – Дени Дидро, о чем Российское общество изучения XVIII века загодя меня и известило, еще в 2011 г. А вот Руссо помянуть как-то «забыло». Почему, после двух с половиной столетий, как сказал бы Г.С. Кучеренко, «знакомства, влияния, усвоения», женеvский гражданин оказался в российской науке «не ко двору»? Не то чтобы «юбилейных» конференций в прошлом году не было. Были, но производили странное впечатление: как будто авторы докладов, занимаясь своей сокровенной темой, решили как-то увязать ее с Руссо. Лишь немногие публикации российских ученых, как на родине, так и за рубежом, могли претендовать на то, чтобы их сочли новым словом в руссоведении. Невольно напрашивалась параллель с известной публикацией 1995 года – огромного тома, изданного по итогам большой конференции в Монморанси на тему «Руссо. Политика и нация»¹, – в которой доклады российских исследователей (за немногими исключениями) представляли собой вариации на тему «вокруг Руссо». Получается, что за 17 лет ситуация в отечественной науке не сильно изменилась.

«Там, за горизонтом...»

Сегодня в зарубежной науке наступил подлинный ренессанс в изучении творчества мыслителя. И это во многом благодаря подвижнической деятельности преподавателя философии в Колледже имени Огюстена Тьерри в Марселе, хабилитированного доктора политической

¹ J.-J. Rousseau: politique et nation...

философии Брюно Бернарди. Этот удивительный человек и блестящий специалист родился в семье крупнейшего специалиста по византийской патристике и религиозной философии, заслуженного профессора Сорбонны Жана Бернарди, закончил Высшую нормальную школу в Париже, получив предварительно образование в классической гимназии. В его творчестве сочетаются вещи в нашей науке ставшие подчас несовместимыми. Я имею в виду публикации источников, кропотливую работу над рукописями и высокий уровень обобщений. Б. Бернарди впервые издал многие рукописи Руссо: «Химические установления», вторую часть трактата «Об общественном договоре», сочинения по международному праву, первый набросок трактата «Об общественном договоре» и статью «О политической экономии»². Его перу принадлежит фундаментальное исследование концепции «общей воли» (докторская диссертация)³, обобщающая работа о договорных концепциях происхождения государства и права в Новое время (хабилитационная диссертация)⁴. Все это без грантов, субсидий. Возможно, подлинно значимые открытия в науке совершаются благодаря такому вот альтруизму. Не зря почти два столетия назад Огюст Конт утверждал, что при социократии альтруизм станет одним из мощных стимулов для развития науки.

Организованная Б. Бернарди на неформальной основе «Группа Жан-Жака Руссо» (Groupe Jean-Jacques Rousseau) выпустила в свет серию из семи книг, включающих пространный комментарий к основным произведениям мыслителя, в частности, к «Рассуждению о политической экономии», к «Письмам с Горы», а также к «Прогулкам одинокого мечтателя», в которых подводятся итог многолетних исследований этих произведений в мировой науке и предлагаются новые интерпретации классических текстов. Сегодня эти комментарии – образец междисциплинарного подхода к изучению творчества мыслителя и коллективного творчества единомышленников. Поразительно то, что работа этой группы вне институциональных рамок оказалась более эффективной, чем работа многих центров при университетах и в ИЦНИ Франции. Во многом благодаря творческой работе группы стало возможным – случай беспрецедентный в мировой науке – начатое в 2011 г. издание двух академических полных собраний сочинений Руссо. Одно в издательстве «Классики Гарнье», другое – в «Оноре Шампбон».

Нельзя не упомянуть и «Группу Руссо» при Центре изучения французского языка и литературы XVII и XVIII вв. Университета Па-

² Rousseau. 2008; 2003.

³ *La fabrique des concepts...*

⁴ *Principe d'obligation...*

риж-Сорбонна, которую многие годы возглавляет Танги Ламино. Группа сосредоточила внимание на изучении восприятия творчества Руссо в разных культурах. Это стало возможным во многом благодаря тому, что группа привлекает к работе молодых (до 30 лет) исследователей со всего мира, собственно говоря, носителей различных культур. Тематика выступлений и коллоквиумов отражает широкий спектр научных интересов участников организуемых этой группой научных форумов. Назову некоторые из них: «Руссо и холодная война», «Руссо в Корее и Китае», «Руссо и Япония». По сути дела речь идет об исследовании роли творчества мыслителя в мировой культуре. Ставка была сделана на молодых исследователей из разных стран, для которых «открытие Руссо» было, одновременно, и открытием пластов национальной культуры и ответом на вопрос о ее месте в современном мире.

Это только два примера. Можно привести и другие. Весьма эффективно работают исследователи творчества Руссо в Канаде, США, Японии, Аргентине. Ими была сделана ставка на организацию коллоквиумов и конференций с участием признанных специалистов мирового уровня. Неудивительно, что эти «инвестиции» вернулись сторицей: на международные конгрессы, посвященные 300-летию Руссо, которые прошли в Женеве и Лионе в 2012 г., пригласили специалистов из этих стран. В целом, исследование творчества Руссо носит интернациональный характер, налажен диалог различных научных школ и центров, развиваются междисциплинарные исследования. Все это оказало исключительно благотворное влияние на развитие исследований не только творчества Руссо, но и французского Просвещения в целом.

«Наш Руссо»

В отечественной исторической науке изучение творчества Руссо занимает далеко не первое место. Причин тому множество. Назову некоторые. С сожалением приходится констатировать, что новых переводов, которые учитывали бы современный уровень работы с текстами на языке оригинала, до настоящего времени не появилось. Показательный пример – многочисленные перепечатки перевода «Общественного договора» из издания «Трактатов» мыслителя, подготовленного А.Д. Хаютиным и В.С. Алексеевым-Поповым в 1969 г. Важнейшие тексты Руссо опубликованы в этом издании фрагментарно. Кроме того, следует заметить, что в переводах Хаютина и Алексеева-Попова, особенно трактата «Об общественном договоре», имеется большое количество неточностей, явных анахронизмов при подборе вариантов перевода политической терминологии Руссо, что затрудняет понимание текстов теми, кому эти сочинения недоступны на языке оригинала. Большая часть таких

терминов как «суверенитет», «пакт», «конфедерация», «ассоциация», «полиция» вошли в научный, а затем, в силу понятных исторических обстоятельств, в обиходный обиход в нашей стране достаточно поздно, во второй половине XIX – начале XX века. Можно ли, при переводе политической лексики Руссо, так «осовременивать» его идеи, передавая эти термины калькой? Само собой разумеется, что наличие качественных переводов на русский язык сочинений Руссо с комментарием, отражающим современное состояние мировой науки – необходимое условие для развития отечественных исследований эпохи Просвещения.

Выскажу, возможно, спорную мысль. Конечно, появление в русском переводе «Словаря Просвещения», вышедшего в свет во Франции под редакцией М. Делона и Д. Роша – событие для отечественной науки. Но как педагог я не могу не заметить, что отсутствие качественных русских переводов классиков французского Просвещения с исследовательским комментарием, делает этот прекрасный инструмент в руках студента во многом бесполезным.

Хотелось бы обратить внимание и на другое обстоятельство. В нашей стране, в особенности, в последние два десятилетия, произведения Руссо нередко читали сквозь призму интерпретаций, содержащихся в неолиберальных писаниях Бертрана Рассела и его единомышленников, возглавивших на мыслителя, которого преследовал Парижский парламент во Франции и олигархия в Женеве, ответственность за эксцессы тоталитаризма в XX в. *C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau.* Вот тут российские ученые вдруг вспомнили о «вкладе в науку», встав на защиту трудов академиков В.П. Волгина и А.М. Деборина, а также некоторых исследователей их поколения. Руссо – предтеча научного социализма и Руссо – провозвестник тоталитаризма. Эти крайности сегодня сошлись. Вот только отечественная наука изучения Просвещения при этом оказалась где-то «с краю», а лучше сказать, на обочине.

Исследования советского периода, в основном опубликованные в 1960 – 1970-е гг., бесспорно, являются вехой в развитии отечественной науки. Вопрос заключается лишь в том, как мы к ним относимся. Скажу прямо: помимо неизбежной в эти годы идеологической предвзятости, публикации названных авторов отличались, прежде всего, весьма низкой руссоведческой культурой. В частности, исследователи поколения В.П. Волгина и А.М. Деборина пользовались изданиями сочинений Руссо, опубликованными в XIX в., нередко (в особенности этим отличаются труды Волгина) пересказывали их слово в слово. Эти публикации совершенно не соответствовали уровню текстологических исследований, который был достигнут в зарубежной науке в 40-е и 50-е гг. XX в.,

а названные авторы «прошли мимо» исследований зарубежных коллег, вышедших в свет после... первой Мировой войны! Стоит ли говорить, что фундаментальный труд Робера Дератэ⁵, исследования Жана Старобински, Поля Траара и других остались вне поля их зрения? Хуже другое – весьма негативные оценки исследований западноевропейских и американских специалистов, которые встречаются в работах А.З. Манфреда и И.Е. Верцмана, в частности, выпады против «современных поклонников психоанализа и экзистенциализма». Это деление на «своих и врагов» ничего хорошего не принесло нашей науке. Мы открыли для себя сочинения Жана Старобински с опозданием на 50 лет и то вне контекста диалога этого автора с исследователями его поколения. Можно только сожалеть, что вплоть до настоящего времени публикации отечественных авторов, датированные 1950–1970-ми гг., по-прежнему рекомендуются студентам гуманитарных факультетов в качестве пособий для подготовки к семинарским занятиям. По настоящему полноценных обзоров современной зарубежной историографии творчества Руссо в отечественной науке практически нет⁶. Как же мы собираемся ориентировать новые поколения исследователей на изучение творчества Руссо?

Наука, как правильно считал Пол Фейерабенд, является одной из традиций, существующих в обществе. В области изучения французского Просвещения эта традиция в советские времена зависела от «официальной линии» и оказалась жертвой идеологического альянса с властью. Отсюда негативные последствия такого альянса: приверженность мнениям авторитетов и нетерпимость к альтернативным суждениям и др. Именно эти черты негативно сказывались в отечественной исследовательской традиции изучения французского Просвещения. Стоит вспомнить о том, что замечательное, во многом новаторское для своего времени исследование Л.С. Гордона так и осталось неопубликованным, а его статьи печатались в лучшем случае в межвузовских сборниках в провинции. В то время как труды Застенкера, Деборина и Волгина выходили в свет огромными тиражами в престижных издательствах.

К чему ворошить прошлое? Стоит ли? Стоит. Эти негативные тенденции в развитии советской науки, бесконечные упреки в адрес Руссо в том, что его идеи были противоречивыми и «парадоксальными» (вряд

⁵ Derathé. 1992 [1952].

⁶ В монографии С.В. Занина «Общественный идеал Руссо и французское Просвещение XVIII в.» (2007) была сделана попытка исправить эту ситуацию. Хотелось бы высказать слова признательности петербургской исследовательнице А.А. Златопольской за неустанный труд по составлению библиографий и за публикации работ по историографии изучения творчества Руссо в России.

ли идеи бывают парадоксальными. Парадоксальными бывают суждения), сказываются и по настоящее время бедностью публикаций, отсутствием новых исследований и переводов, полноценных научных контактов с признанными центрами изучения творчества Руссо за рубежом.

Руссо как-то сказал в третьем диалоге «Руссо – судья Жан-Жака»: «мои идеи, возможно неверны, но они не полагают противоречий». Оценки творчества Руссо в советской и в современной российской науке противоречивы и часто пристрастны, именно поэтому они и неверны.

Не слишком ли серьезно?

Конечно, меня можно упрекнуть в том, что я вижу все в черных тонах. Вовсе нет. В нашей стране есть энтузиасты, изучающие творчество Руссо. Среди них историки, литературоведы, культурологи. Вернемся к тому, с чего я начал эту статью, а именно о восприятии творчества мыслителя в нашей стране в начале XXI века.

Вспоминается с психологической точки зрения безупречное наблюдение Марселя Пруста в небольшом эссе «О чтении». Юноша Пруст торопился «подняться из-за стола, чтобы закончить чтение», забывая обо всем на свете. Век Просвещения блестящ. Порой, читая биографии писателей «века разума» поражаешься, как много событий умещалось в недолгой, даже по меркам XVIII века, жизни просветителей. Как удивительно точно эти события оказались «вписаны» в контекст времени, сделав их свидетелей, вольно или невольно, деятельными участниками и судьями. Обилие биографий просветителей, написанных прекрасным литературным языком, – характерная черта современной западноевропейской историографии Просвещения. Достаточно упомянуть работы Рене Помо, Реймона Труссона, Поля и Моник Котрэ. Они выходят большими тиражами, выдерживают по несколько переизданий.

В свое время А.З. Манфред интуитивно понял необходимость рассматривать историю Просвещения «сквозь призму личности». Прошли десятилетия, а главы его неоконченной книги о Руссо привлекают внимание, а его книга «Три портрета» читается на одном дыхании. Мы, исследователи-профессионалы, живущие в изведенном пространстве цехового ремесла, решаем актуальные проблемы и ставим задачи. А читает ли широкая публика наши работы, исполненные учености и эзотерической вычурности профессиональной эрудиции? Похоже, что нет. Вот и расцвели у нас пышным цветом разного рода беллетристические и часто псевдоисторические сочинения патентованных медиа-историков.

300-летний юбилей Руссо отнюдь не повод курить фимиам женевскому гражданину. Он и сам этого не одобрил бы. Я не считаю его провозвестником некоей истины в последней инстанции, к которой нужно

всегда и во все времена относиться с пиитетом. Есть немало его суждений, которые сегодня оказались ошибочными. Но он принадлежал к числу тех редких мыслителей, которые, осознанно держась в стороне от перипетий общественной жизни своего времени и ревниво требуя «равенства» во взаимоотношениях с сильными мира сего (с теми же герцогами Люксембургскими), обладал редким для политического мыслителя качеством – предельной честностью мысли – и ценил эту честность у остальных, в частности, у Макиавелли. Возможно, именно в силу этой честности и прямоты, как в политических сочинениях, так и в полемических работах, тонкого юмора и умения в самый неожиданный для читателя момент воскликнуть, подобно мальчишке из сказки, «а король-то голый», он оказался неугоден тем авторам, которые, под флагом защиты «извечных ценностей демократии» и гуманизма в XX веке, не упустили случая бросить камень в того, кто прожил жизнь, памятуя, что «народ не дает ни кафедр, ни доходных мест», ни личного благополучия, а благополучие народа зависит от благополучия каждого.

Наша беда в том, что мы чересчур профессионалы, мы слишком серьезны и академичны. Дух Просвещения в исследовании идей Просвещения в нашей науке исчез. А ведь научно-популярная биография, написанная хорошим литературным языком, эмоциональное, личное отношение автора к герою увлекает широкий круг читателей. Вот тогда, скорее всего, и появятся в России «ревнители Просвещения» в школьной и студенческой среде, новое поколение «руссоведов», а исследователи этой эпохи исполнят не только свой профессиональный долг, но и главную заповедь времени: просветить.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Derathé R. J.-J. Rousseau et la science politique de son temps.* 2 éd. Paris: Vrin, 1992.
La fabrique des concepts. Recherches sur l'invention conceptuelle chez Rousseau. Paris, Honoré Champion, 2006.
- J.-J. Rousseau : politique et nation. Actes du colloque à Montmorency de 1995, Paris : Honoré Champion, 2001.
- Principe d'obligation.* Paris: EHESS, 2007.
- Rousseau, Jean-Jacques.* Principes de la guerre et de la paix. Écrits sur la paix perpétuelle / éd. Bruno Bernardi, Gabriella Silvestrini. Paris: Vrin, 2008.
- Rousseau, Jean-Jacques.* Discours sur l'économie politique / éd. sous la dir. de Bruno Bernardi, Paris, Vrin, 2003.
- Занин С.В. Общественный идеал Руссо и французское Просвещение XVIII в. СПб.: СПбГУ; Издательский дом «Мир», 2007.

Занин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, ассоциированный сотрудник Центра изучения французского языка и литературы XVII и XVIII веков Университета Париж-Сорбонна; zansamara@mail.ru